

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ

«Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ» КЕАҚ

**Студенттер мен жас ғалымдардың
«GYLYM JÁNE BILIM - 2023»
XVIII Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XVIII Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«GYLYM JÁNE BILIM - 2023»**

**PROCEEDINGS
of the XVIII International Scientific Conference
for students and young scholars
«GYLYM JÁNE BILIM - 2023»**

**2023
Астана**

УДК 001+37
ББК 72+74
G99

«GYLYM JÁNE BILIM – 2023» студенттер мен жас ғалымдардың XVIII Халықаралық ғылыми конференциясы = XVIII Международная научная конференция студентов и молодых ученых «GYLYM JÁNE BILIM – 2023» = The XVIII International Scientific Conference for students and young scholars «GYLYM JÁNE BILIM – 2023». – Астана: – 6865 б. - қазақша, орысша, ағылшынша.

ISBN 978-601-337-871-8

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

УДК 001+37
ББК 72+74

ISBN 978-601-337-871-8

**©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, 2023**

что лицевая часть «оленьих» камней часто «смотрит» не на восток, а в любое другое направление. Тогда как в комплексе Торайгыр без труда можно заметить следующее: на одном из них можно разглядеть круг, обозначающий солнце. Когда-то, возможно, эта стела была обращена на восток – направлена туда, откуда восходит светило.

Смею предположить следующую гипотезу, что первоначально каменные стелы были расположены в форме полураскрытой ладони, в центре, которой находился алтарь. Это был символ вечности, единства и гармонии, подобный Храму Солнца в урочище Ласпи в Крыму, либо Стоунхенджу, над назначением которого бьется весь мир в течение нескольких веков.

Как считают некоторые исследователи, это астрономическое сооружение – обсерватория, либо это Храм Солнца, которое определяет важность и сущность комплекса Торайгыр. Отсутствие здесь следов погребения свидетельствует о том, что оно не являлось погребальным курганом.

Его точное назначение еще предстоит установить, но, мы считаем, что имеем дело с языческим святилищем. Холм и рукотворный курган, возможно, служил местом проведения обрядов, церемоний и жертвоприношений. Тем более что очертание языческого святилища повторяет форму дневного светила. Изучения накопленных на сегодняшний день материалов по этому комплексу показывают, что он несомненно сооружён в эпоху раннего железного века и относится к тасмолинской археологической культуре, но более точные факты можно было бы установить с применением стратиграфического наблюдения и аэрокосмических исследований [7, с. 194-195].

К сожалению, этот памятник еще не исследовался целенаправленно. Сегодня настало время, и отдельные археологи стали заниматься его изучением, но системное всестороннее изучение ритуального комплекса еще предстоит.

Список использованных источников

1. Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У., Дуйсенбай Д.Б. Памятники хребта Чингистау. Курганы с "усами" / А. З. Бейсенов, У. У. Умиткалиев, Д. Б. Дуйсенбай // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Том 2. – Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. –50-60 с.

2. Бейсенов А.З. Радиоуглеродная дата кургана с "усами" Кырыкунгир (Восточная Сарыарка) / А. З. Бейсенов, У. У. Умиткалиев, М. А. Кулькова, 2016. – № 5. –249-255 с.

3. Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Изд-во «Рифей», 2000. – 265 с.

4. Ермолаева А.С., Тепловодская Т.М. Керамика из бегазинских погребений Измайловского могильника // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный 65-летию Ж. Курманкулова. Алматы, 2013. 283-320 с.

5. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. –303-433 с.

6. Международная экспедиция разгадывает тайну кургана с «усами» в Павлодарской области. <https://cnigochey.livejournal.com/41480.html>

7. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Павлодарская область. — Алматы: Аруна, 2010, С. 194-195 с.

УДК 902.904

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ И ПОМИНАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КИПЧАКОВ

Сеитов Ескендир Куанышулы

eseitrov@mail.ru

студент 2 ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

В средние века казахские степи становятся родиной огузов, кимаков, канглы, кипчаков. Ранний этап их истории связан с каганатом древних тюрков и с территорией Центральной Азии. Основные события реконструируются по письменным источникам: китайским хроникам, древнетюркской рунике и арабо-персоязычной географической литературе. Археологическое наследие изучено крайне неравномерно. Археология огузов представлена городами, открытыми в Приаралье. Археология кимаков больше известна по погребальным памятникам, но не найдены города, названия которых приведены в записках Гардизи. По письменным источникам наибольшую популярность в средневековой историографии имеют кипчаки.

В конце XX века археологом С.М. Ахинжановым создан фундаментальный труд по истории и археологии кипчаков. В монографии «Кипчаки в средневековой истории Казахстана» 1989 г. изложены основные аспекты, открытия и дискуссионные вопросы историографии кипчаков. Любое обращение к интерпретации истории кипчаков начинается с этой монографии. В современном кипчаковедении по-прежнему активно изучаются проблемы ранней истории кипчаков, их этногенез, время появления и содержание этнонима «кипчак», степень близости и отличия родственных этносов: команов (куманов), кипчаков, половцев. Среди этого тематического обилия по-прежнему остаются в тени археологические материалы. Представления о погребальном обряде кипчаков получены благодаря исследованиям, сделанным во второй половине XX в. А.Х. Маргуланом, Ф.Х. Арслановой, С.М. Ахинжановым, Д.Г. Савиновым [1].

В данной статье нами предпринята попытка дать характеристику погребальных и поминальных памятников кипчаков. В этом вопросе трудности представляют погребальные объекты X-XII вв., т.к. на территории Центрального Казахстана курганы этого времени малоизвестны, практически не открыты и не исследованы. Те, которые раскопаны в Восточном Казахстане, по мнению археологов, относятся к кимакам. Как известно, кипчаки до выхода на историческую арену входили в состав кимаков. Вычленив их из общего количества опубликованных материалов, крайне затруднительно, т.к. отсутствует комплекс признаков, объединяющихся в кипчакский культурный комплекс.

Первые обобщения по погребальным сооружениям X-XIII вв. степной Сарыарки изложены В.А. Могильниковым в сводном труде «Степи Евразии в эпоху средневековья» из серии Археология СССР [4, С. 192-193]. Здесь приведена краткая история открытия степного ориентализма с конца XIX века работами таких востоковедов как В.В. Радлов, Г. Васильев, А.В. Андрианов. Следующий этап случайных раскопок курганов и погребений был предпринят в годы освоения целинных и залежных земель. В 1953-1955 гг. на северо-востоке Казахстана работал целинный отряд под руководством Е.И. Агеевой и А.Г. Максимовой. С 30-х гг. XX в. на исследование рудных богатств Прииртышья был командирован известный ленинградский археолог С.С. Черников. Открытия этих ученых были занесены в Археологическую карту Казахстана 1960 г. [5, С. 123].

С 1969 г. начинается археологическая служба ведущего исследователя средневековых памятников Прииртышья – Ф.Х. Арслановой. Ею проведены раскопки могильников, ставших основой для выделения сrostкинской культуры. Это могильники Славянка, Юпитер, Кызыл-Ту, Ждановский, Орловский [7, 8]. Край был почти неизведанный, поэтому Фирюза Хабибуловна копала памятники всех эпох [8, с. 98-111]. Основным объектом был знаменитый ныне Зевакинский могильник, состоящий из более 300 курганов от эпохи бронзы до позднего средневековья [Арсланова 1974: 57-60].

Значительный объем сведений по погребальным памятникам кипчаков был получен в начале 80-х гг. XX в. в результате работ в зоне затопления Шульбинской ГЭС [10]. При систематизации этих материалов было установлено многообразие погребальных конструкций и трудность вычленения этнокультурных массивов по признакам погребального обряда [9, с.156-161]. В могильниках, исследованных в ложе затопления Шульбинской ГЭС, погребения

совершены по обряду ингумации и кремации. Ингумация сопровождается захоронением человека с конем, что находит аналогии в обряде предшествующего раннего железного века. Эта традиция ярко представлена в пазырыкском обряде Горного Алтая. Часто встречаются захоронения со шкурой коня или предметами конского снаряжения. Эта традиция отражает один из ведущих культов кочевников средневековья – культ коня.

Большую трудность для идентификации вызвал обряд кремации. Исследователи вынуждены были обратиться к средневековым древностям Минусинской котловины, где в склепах таштыкской, тюхтятской археологических культур встречаются кучки кальцинированных костей и обожженные вещи. Поэтому С.М. Ахинжанов и Ю.И. Трифонов проводят аналогии с памятниками енисейских кыргызов [10, с.243-244]. При определении этнокультурной принадлежности этих памятников, исследователи отнесли захоронения по обряду ингумации с конем и оградки с изваяниями к кыпчакам, а одиночные труположения к азам.

С.М. Ахинжановым была подробно прослежена история кыпчаков в степях Казахстана до монгольского времени [2, с.198-202]. Ю.И. Трифонов сосредоточил свои усилия на характеристике погребальных традиций раннего средневековья. Тем не менее, ими выделены характерные черты погребального обряда по данным наиболее крупных восточноказахстанских могильников. К ним отнесены следующие памятники: Славянка - захоронения одиночные, с конём, шкурой коня или предметами конской упряжи, известен один кенотаф; Юпитер - захоронения в деревянных гробах, в подбоях с конём или предметами конской упряжи; Кызыл-Ту – захоронения одиночные, с конём или шкурой коня выше уровня погребённого; Бобровский могильник – захоронения одиночные, трупосожжения в сочетании с сопроводительными захоронениями коней, отдельные подбои, использование бересты в погребениях; Орловский могильник – захоронения одиночные и парные в сопровождении коней и в некоторых случаях собак; Зевакинский могильник - захоронения одиночные с конём на приступке, реже с собакой, иногда под одной курганной насыпью располагается несколько могил. В целом погребальный обряд восточноказахстанских кимаков отличается значительным разнообразием и носит явно композитный характер, что соответствует сложному процессу образования кимако-кыпчакского объединения [7].

В 1960-1961 гг. павлодарский отряд Центрально-Казахстанской археологической экспедиции под руководством Ф. Х. Арслановой производил раскопки. В погребальных комплексах, раскопанных на Ждановском, Втором Качирском и Леонтьевском могильниках в Казахстане, были исследованы захоронения по обряду одиночной ингумации в грунтовых ямах или подбоях под округлыми земляными насыпями. Хоронили в ямах, дощатых гробовищах без дна или долбленых колодах, перекрытых плахами. В могильных ямах встречаются отдельные кости коня. Под одной насыпью находилась одна или несколько могильных ям с захоронениями [4, с.192].

Главной проблемой в определении этнокультурной привязки средневековых погребальных сооружений является выделение комплекса признаков обряда и комплекса вещей. Археологические работы на территории Западного Казахстана, Южного Урала, в Поволжье привели к оформлению трехступенчатой периодизации средневековых курганов [11, с.50-54]. В дальнейшем именно эти труды стали основой для хронологического членения исследованных курганов. В целом, к комплексу признаков кыпчакского погребального обряда до монгольского времени отнесены: сопровождение погребения человека со шкурой коня, могильные ямы со ступенькой вдоль длинных сторон, подбои, каменные насыпи [12, с.50-54].

В настоящее время по сводкам Г.С. Боталова и И.В. Матюшко количество открытых кыпчакских памятников Западного Казахстана насчитывает более четырех десятков [13, с. 192–195]. Сюда включены исследования на территории практически всей Восточной части Дешт и-Кипчака.

А.А. Бисембаев на основе более 100 погребений с территории Западного Казахстана условно выделяет признаки погребального обряда кочевников VIII-XIII вв.: 1) погребения в простых ямах, без костей лошади; 2) погребения в ямах усложненного типа с костями коня

или без них и 3) погребения с чертами новой идеологии - сырцовыми оградами на погребенной почве и выкладками из кирпича в засыпях могильных ям [14, с.121-131].

В 2017 г. вышла коллективная монография по древностям Тургая. В отдельной главе дано описание курганов и жертвенно-поминальных комплексов, обоснованы их датировки. К VIII-XII вв. отнесены 7 комплексов: Каинды-3, могильник Ащитасты-27, поминальный комплекс Ащитасты – 19, Аймагамбет-3 [15, с.54-67]. Характерной чертой является сопогребение человека со шкурой коня, положенного сверху человеческого захоронения. То есть шкура лошади находилась на каком-то древесном перекрытии, над телом человека.

Кипчакские погребения в окрестностях г. Лисаковска было изучено Лисаковской археологической экспедицией под руководством Э. Р. Усмановой. Выявлено, что погребение было мужским, Г.В. Лебединской выполнена пластическая реконструкция облика, погребенного [16, с.131–133].

Такое разнообразие признаков погребального обряда связано с многокомпонентным составом средневековых этнических объединений. По исторической периодизации крупная волна миграций и перемещений происходит в X в. После падения Уйгурского и Кыргызского каганатов, кочевые этносы Центральной Азии начинают двигаться на запад, в степи Казахстана и дальше за Волгу. В состав этих объединений были включены не только тюркоязычные народы, но и лесные угорские, дальневосточные тунгусо-маньчжурские, азиатские монголоязычные. Именно этосмешение и дает пестроту деталей погребального обряда памятников, отнесенных к кимако-кипчакам и их сроткинской археологической культуре. Сроткинская археологическая культура была обоснована в 1930 г. Грязновым М.П. по могильнику у с. Сротки на Алтае. В 60-70-е гг. XX века им были выделены четыре локальные варианты и высказана мысль, что это культура кимако-кипчакских племен [3, с.110-118].

Погребальный инвентарь по содержанию имеет стандартный характер. Для мужских погребений характерны предметы вооружения. Кроме оружия дистанционного боя получают распространение железные сабли, более крупными становятся сложносоставные луки. Эти новшества свидетельствуют о развитии военного дела, появлении новых видов защитных доспехов, для поражения которых уже нужны были железные плоские ассиметрично-ромбические и секторные наконечники стрел. В Прииртышье проникают новые типы железных стремян, их декор показывает на связь с енисейскими кыргызами. Для аскизской культуры Минусинской котловины характерны способы украшения железных стремян серебряными и золотыми инкрустациями. Такие стремяна и сабли являются показателями захоронения знати. В женских погребениях обнаружены серьги в виде знака вопроса, так называемого кипчакского типа, бусы, браслеты, бронзовые зеркала.

Следующий вид памятников – это поминальные культовые объекты. Они представлены несколькими вариантами. Широко распространены менгиры, койтасы, жертвенные кольца. Поминальные комплексы кипчаков делятся на 4 типа: прямоугольные оградки, каменные округлые насыпи, грунтовые кольцевые валы и ровики, жертвенные захоронения лошадей.

Наиболее интересными являются святилища, имеющие сложную конструкцию. Их открытие связано с раскопками каменных сферических сооружений, принятых за курганы, но оказавшиеся прямоугольными и квадратными оградками, стены их были сооружены горизонтальными слоями каменных плиток, тщательно укрепленных по внешнему фасу вертикальными плитами. Такие конструкции были раскопаны в Центральном Казахстане экспедицией под руководством Ж.К. Курманкулова на могильниках Аблай, Мыржик, Жинишке [17, с.137-161]. Эти памятники объединяют находки каменных изваяний внутри квадратных построек. В святилищах Аблай и Жинишке обнаружены по пять вертикально установленных каменных изваяний. В Мыржике было найдено три каменные скульптуры.

Эти открытия и круг аналогий позволил Л.Н. Ермоленко сделать типологию кипчакских святилищ и дать подробную характеристику иконографического образа кипчакских изваяний, выделить ведущие признаки изобразительного стиля [17, с.78]. Тщательные раскопки, полевые наблюдения привели исследователя к утверждению, что эти

каменные скульптуры какое-то время стояли открытыми, внутри этих сооружений можно было зайти, провести поминальные обряды. Об этом свидетельствуют многочисленные жертвенные ямки, кости животных и мелкие вещи. Поиски аналогий привели к половецким святилищам, раскопанным в Восточной Европе [18, с.207-209]. Особенностью кипчакской скульптуры является отсутствие изображений оружия, сосуд в двух руках у живота, тщательная моделировка лица, головы и головного убора. Хорошо выделяются женские скульптуры. Их связь с каменной скульптурой предшествующего древнетюркского времени представлена серией предмонгольских изваяний центрального и восточного Казахстана [19, с. 223]. Неожиданной оказалась раскраска скульптур.

В отличие от открыто стоящих древнетюркских, некоторые кипчакские изваяния были скрыты под насыпями курганообразных святилищ. Это осуществлялось кипчаками после проведения цикла поминальных обрядов. Как пишут исследователи, ритуал сокрытия изваяний в такой рукотворной «горе» мог быть связан с известным по письменным источникам мифом о чудесном рождении предка внутри горы, с верой в то, что умерший человек, подобно предку, должен был возродиться из небытия. За прошедшие века архитектурные конструкции ветшали, камни осыпались, и древние изваяния теперь находятся наружу. Как правило, над поверхностью выступает голова. Архитектором Н.С. Гецовой сделана графическая реконструкция Аблайского сооружения [17, с. 161].

Еще одна разновидность поминальных объектов кипчаков была выделена А.Х. Маргуланом под названием *дынз, дынгек*. Это башнеобразные каменные пирамиды. Они построены из плитняка, имеют округлые или квадратные основания, постепенно сужающиеся кверху. Каменные пирамиды полые внутри, имеют вход с северо-восточной стороны. В отчете 1948 г. А.Х. Маргулан пишет, что выявлено свыше 10 таких объектов: Домбаул, Кос-уйтас, Карадынз, Жанай, Баскамыр. Он считал эти сооружения кипчакскими и датировал VIII-X вв. [1, с. 25-26]. А.Х. Маргулан неоднократно подчеркивал, что именно для кипчаков характерен культ камня и поэтому их погребально-поминальные сооружения возведены из плитняка.

Ярким образцом такого поминального храма является Козы Корпеш и Баян Сулу. Об этом памятнике сохранилось много преданий и легенд, имеются описания, зарисовки, фотографии ученых XIX в. Все они отмечают, что памятник был тщательно выстроен из гладких каменных плит, внутри стояли «каменные истуканы». По зарисовкам и описанию Ч.Ч. Валиханова их было четыре, по А.И. Левшину и И.Г. Андрееву внутри стояли три каменные скульптуры. Одна скульптура мужчины в сидящей позе, рядом изваяние женщины с сосудом в обеих руках. Оба изваяния в островерхих головных уборах [20, с. 22]. По типологии прииртышских каменных скульптур А.А. Чариков датирует подобные изваяния IX-XII вв. [19, с. 301-307].

В то же время А.Х. Маргулан на территории Сарыарки и Улытау открыл более 50 изваяний кипчакского периода. По словам исследователя, они имеют много общего с изваяниями Южной Сибири и Монголии. По технике обработки А.Х. Маргулан разделил их на изваяния примитивные с едва намеченным подобием лица и туловища человека, а также круглую скульптуру, с хорошей моделировкой лица и фигуры, тщательной отделкой деталей одежды, прически и атрибутов. Большинство изваяний, введенных им в научный оборот, были оставлены древними тюрками и кипчаками. Среди изваяний есть простые каменные столбики без изображения человеческого лица, их называли балбами. Они были элементами мемориальных комплексов, которые увековечивали память погибших.

Таким образом, и для поминальных памятников средневековых кипчаков характерно многообразие видов.

До сих пор практически не исследованы поселения кипчаков. Первый поселенческий объект, который соотносится с историей кипчаков – это городище Бозок, расположенное в верховье р. Ишим. Его первый исследователь К.А. Акишев считал, что это была ставка кипчакского султана [21, с. 16]. О том, что у кипчаков были оседлые памятники, свидетельствуют ирригационные сооружения, открытые в Центральном Казахстане А.Х. Маргуланом в 40-50 гг. XX в. [1, с. 27-28].

Таким образом, археологические источники по истории кипчаков представлены погребальными, поминальными видами памятников. Особую группу составляют каменные скульптуры святилища кипчаков. Практически не изучены поселенческие памятники кипчаков. Разнообразие погребального обряда связано с многоэтническим составом племен, пришедших в степи Казахстана вместе с кипчаками. Какое-то время кипчаки жили в лесостепной территории. Об этом говорят, как генеалогические легенды происхождения, так и применение дерева, бересты в конструкции могил. Столь же значимым для кипчаков был культ камня. Из него возводили наземную часть погребальных и поминальных сооружений. Проблема усложняется незначительным количеством раскопанных погребальных памятников, необходимостью сбора и систематизации накопленного, и составлением комплекса этноопределяющих признаков.

Список использованных источников и литературы

1. Маргулан А.Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. - Алма-Ата, 1978, С. 3-37.
2. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. - Алма-Ата: Гылым, 1989, 293 с.
3. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984, 175 с.
4. Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X - XII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР.- М.: Изд-во Наука, 1981, 302 с.
5. Археологическая карта Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз ССР, 1960, 450 с.
6. Агапов П., Кадырбаев М.К. Сокровища древнего Казахстана. - Алма-Ата: Жалын, 1979, 252 с.
7. Арсланова. Ф.Х. Бобровский могильник // Изв. АН Каз.ССР, сер. обществ. наук, Вып. 4, 1963, С. 68-80.
8. Арсланова. Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII-XII вв.). // Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата: Наука КазССР, 1968, С. 98-111.
9. Ахинжанов С.М., Трифонов Ю.И. К происхождению и этнической атрибуции погребальных памятников Верхнего Прииртышья VIII - X вв. Омск, 1984. С. 156-161.- Омск: ОмГУ. 1984, 184 с.
10. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. - Алма-Ата: Наука, 1987, 280 с.
11. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. - М.: Изд-во МГУ, 1966, 274 с.
12. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.) - М.: Наука, 1987, 92 с.
13. Матюшко И. В. Памятники IX–XIV вв. Степного Приуралья. - М.–Берлин: Директ-Медиа, 2016, 342 с.
14. Бисембаев А.А. Кочевники средневековья Западного Казахстана. - Актобе: ИП Жанадилов С.Т., 2010, 248 с.
15. Хасенова Б.М. Средневековый Тургай: погребальные сооружения, жертвенно-поминальные комплексы, предметный мир // Культура населения Тургай и сопредельных регионов: человек и эпоха. - Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2017, С. 51-97.
16. Усманова Э. Р. Приложение 1. Отдельные сооружения / Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. - Караганды–Лисаковск: Tengri LTD, 2013, С. 131–133.
17. Ермоленко Л.Н., Гецова Н.С., Курманкулов Ж.К. Новый вид сооружений с изваяниями из Центрального Казахстана. - Новосибирск, 1985, С. 137-161.
18. Швецов М.Л. Половецкие святилища // СА. 1979, №1, С. 199-209.
19. Чариков А.А. Группа скульптур из Джамбула// СА. 1980, № 3, С.301-307.
20. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том V. Графическое наследие. - Алма-Ата: Наука Каз.ССР, 1972, 143 с.

21. Акишев К.А. Городище Бозок: семантика планиграфии и функции// Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Матер. междунар. полев. Семинара. - Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008, С. 13-19.

УДК 902.2

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В МЕТАЛЛУРГИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ КАЗАХСТАНА

Тагленов Амир Максutowич

taglenov322@mail.ru

студент 3 курса ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Научный руководитель – Т.В. Брынза

В I тыс. до н. э. железо становится основным материалом развития человечества. Для археологии Евразии по-прежнему остается немало вопросов касающихся особенностей производства, времени перехода к металлургии железа и др. Железные изделия, полученные из кричного сырья, известны на достаточной широкой территории Евразии и отражают длительный процесс формирования металлургии железа в общем пространстве огромного ареала культур Евразийской металлургической провинции. Поселение Алат, на восточной окраине которого расположена металлургическая площадка, находится в 200 км к юго-востоку от г. Караганды в Кентском горнолесном массиве на территории Каркаралинского национального природного парка. Жилая площадка поселения расположена на левобережной надпойменной террасе горной речки Кызылкеныш у подножия одного из горных хребтов, поросшего смешанным сосново-березовым лесом, в Кентском ущелье в 7 км вверх по течению реки от поселка Кент (бывш. Комсомол).

Поселению, открытое в 1985 г. И.В. Рудковским и В.В. Варфоломеевым в г. вызвало интерес благодаря находкам шлаков. Шлаки из подъемных сборов 1985 г. и из раскопов на участке Алат пористые, черного и темно-коричневого цвета, с включениями древесного угля и кварцитов, в изломе раковистые, блестящие, черные с зеленоватым отливом. По внешним признакам они отличаются от медных шлаков из памятников эпохи бронзы. В 1991 г. отрядом археологической экспедиции Карагандинского госуниверситета под руководством И.В. Рудковского на восточной окраине жилой площадки был заложен раскоп площадью 81 м², найдены многочисленные корольки бронзы, фрагменты валиковой керамики

Выявленный комплекс в восточной части поселения по производству меди, бронзы, железа – горны, бронзолитейная печь, производственно-бытовые постройки, ямы производственного назначения, специфический комплекс каменных орудий труда определен как производственная металлургическая площадка – ПМП

К объектам горновой площадки – верхний горизонт ПМП – отнесены: 4 железоразварочных горна, 6 ям производственного назначения и 11 столбовых ям, 2 каменные постройки производственно-бытового назначения, 3 каменные печи. Зафиксированы также 5 зольников. Культурный слой и зольники содержали многочисленные фрагменты керамики, изделия из бронзы, кости, рога, камня, кости животных [1, с. 228].

По форме сосудов, технологии изготовления, технике нанесения орнамента, элементам узора, по характерному налепному валику керамика относится к алексеевскому типу. [2, с. 122-126].

Поселения относятся к кругу памятников ОКВК и датируются в рамках XIII-IX вв. до н.э. В широком хронологическом диапазоне ОКВК датируются и бронзовые изделия из раскопа — топор- тесло и нож. К периоду ОКВК, судя по наличию валиковой керамики в нижнем и верхнем строительном горизонтах, относится и часть производственной металлургической площадки Алат, вскрытая в 2004 г. Широкий круг аналогий керамики определяет общую культурно-хронологическую позицию ПМП в рамках алексеевской культуры. С учетом территориальной локализации с памятниками эпохи поздней бронзы